

Vista al campo grande

Alcán Nervis que se

mi relinates cansono mi relinates

Новогодняя сказка для Ларисы

Никита Людвиг

E-mail: ludwig@mccinet.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

В далеком городе Алматы жила маленькая девочка Лариса. Вообще-то ее имя было Клариса, но оно пробуждало какую-то смутную затаенную тоску, непонятно связанную с окружающими чужими людьми. Поэтому наша девочка называлась пока просто Ларисой.

Как и все маленькие девочки, она ходила в школу и училась там легко и весело, хотя вовсе не была отличницей, потому что оценки, которые ей ставили взрослые дяди и тети, ее почти не волновали. Все самые важные оценки она ставила себе сама.

Да-да, никто на всем белом свете (кроме, конечно, самой Ларисы) не знал, что уже с восьми лет в ней — как бы это сказать?.. — жила взрослая, уверенная в себе женщина. Может быть, тогда она еще не имела достаточного житейского опыта, чтобы не ошибиться, выбирая, скажем, какие именно сардельки купить в ближайшем магазине, но зато частенько посмеивалась про себя над непосредственностью своих сверстников или над ужасными решениями людей, кажущихся на первый взгляд взрослыми.

Нужно признаться, что некоторые учительницы (да, вовсе не учителя-мужчины, а именно молодые учительницы) все-таки что-то подозревали и смотрели на Ларису с некоторой ревностью — совсем не как, как на остальных детей, — и иногда бывали несправедливо строги с ней. Однако Лариса мало обращала внимания на такие мелочи.

Она была по-детски угловата, и многие сверстницы в классе и во дворе считались значительно красивее ее, но это обстоятельство нисколько Ларису не тяготило, поскольку уже тогда все знакомые мальчики тянулись к ней, даже не понимая, что же именно их привлекает в этой девочке. Да и Лариса, конечно, еще не осознавала своей сути, хотя знала наверное, что она — дитя любви, что она очень красивая внутренне и обязательно станет такой же восхитительной, как те неземные создания, которые смотрели на нее с волшебных глянцевого обложек иностранных журналов. И самое главное — она была совершенно уверена, что мама бесконечно любит ее, любит и любила даже тогда, когда маленькой Ларисы еще и вовсе не существовало на свете. Вот почему она всегда просыпалась с улыбкой — и жарким летом, и студенкой зимой, пронизанной лютыми казахстанскими ветрами. Да, даже такой вот зимой, когда, встав и позавтракав, ей, хрупкой и маленькой, приходилось затемно бежать в школу.

Итак, ранним морозным утром Лариса, с не дописанной до конца спасительной шпиргалкой, запрятанной в левом рукаве формы, торопилась на страшную контрольную по математике и не ведала о том, что в этот же день на нее обрушится еще и сочинение по литературе.

А в литературе Лариса была не сильна. Может быть, потому, что с самого рождения жила, укрытая маминой любовью, в своей собственной сказке и другие сказки, придуманные волшебниками-литераторами, ее пока не интересовали.

Но и это еще не все. В тот день, помимо контрольной и сочинения, Ларису ожидала олимпиада по географии. Географию Ларису совсем не любила, и из-за того, конечно, что их учительница географии сама ничуть не любила свою географию. Учительница всю жизнь безвыездно прожила в их родном городе Алматы и никогда не путешествовала. А что это за учитель географии, который не любит путешествовать, и что это за человек, который не любит свое дело? И поэтому в скучных руках этой учительницы прекрасная, как графиня, география оставалась невзрачным куском глины, подходящим лишь для выпечки красного обожженного кирпича. В холодных руках этой учительницы прекрасная география никогда не расцветала ослепительно белой лилией, живущей в далекой сказочной Индонезии, лилией, с которой пролетающие в необъятном голубом небе розовые фламинго всегда здоровались гортанными голосами. Как она была нежна в своем индонезийском озере на другом краю планеты, где обитали огромные питоны и мудрые изумрудные крокодилы!..

Вот и длился этот нескончаемый школьный день: страшная контрольная по математике, сочинение по литературе, унылая олимпиада по географии, другие уроки, а в конце еще и зачет по физкультуре, когда Ларисе нужно было залезть по канату до самого потолка спортзала. Однако, как она ни старалась, достигла только середины каната, а потом медленно сползла вниз, словно котенок по занавеске. Тренер строго посмотрел на нее, но ничего не сказал, понимая, что девочка к последнему уроку очень устала. В общем, она осталась без зачета, повернулась и, уже ничего не чувствуя, поплелась из спортзала, а тренер незаметно улыбнулся.

Лариса и не помнила, как к вечеру оказалась дома. После всего, что случилось сегодня, у нее даже не осталось сил, чтобы поужинать. Она прилегла на диван и тут же уснула, а позже с работы вернулась мама, бережно укрыла спящую дочь одеялом, и в доме наступила ночь.

В эту ночь все волшебные сны почему-то улетели от Ларисы — наверно, испугавшись, что их тоже заставят лазать по канату. Вот потому она и спала совершенно неподвижно.

И вдруг ей стало очень легко и светло. Она широко открыла глаза. И изумилась тому, что увидела в первый миг. Она смотрела на самую себя, неподвижно лежащую

на диване, и было совершенно непонятно, спит ли девочка, лежащая внизу под ней, или просто застыла, как в игре «замри». Изумление не проходило. Лариса поняла, что находится где-то над собой, между диваном и потолком. Она видела только свое неподвижное тело, внизу, укутанное одеялом. А вот другого своего тела, пребывающего над первым, лежащим, совсем не ощущала. Но чувство бесконечной свободы, подвластной ей, переполнило восторгом.

Лариса начала осваиваться в этом новом состоянии и вскоре поняла, что сейчас она вовсе не висит, а как-то очень естественно и просто породнилась с пространством и полностью слилась с ним. И теперь совсем не важно, есть ли в комнате воздух, потому что он стал ей не нужен. Единственное, что она с наслаждением ощущала, это — пространство. Вот в нем Лариса полностью растворилась.

Она посмотрела в угол комнаты на висящего на ковре своего мишку, которого мама подарила ей на Новый год, нарядившись Дедом Морозом. Лариса любила мишку и, уходя в школу, всегда вешала его на ковер, чтобы спасти от киски Пантерки, которая мишку тоже очень любила, но только по-своему. И после Пантеркиной любви Ларисе приходилось по вечерам штопать мишке то лапу, то спинку.

Сейчас она захотела взглянуть на мишку поближе — и мгновенно оказалась рядом с его блестящим черным носом, на котором виднелись царапины от Пантеркиных когтей. Выходит, теперь ей не нужно карабкаться по канату для зачета по физкультуре, а достаточно только пожелать, чтобы оказаться в любой нужной точке пространства.

Но вот что сейчас было страшновато, так это подлететь к собственному телу. Приблизившись к нему, Лариса впервые в жизни без маминого зеркала стала рассматривать свои закрытые во сне глаза, длинные реснички, поцарапанный, как у мишки, кончик носа, слегка обветренные на морозе губы и маленькое ухо с дырочкой для сережки. И тут она внезапно поняла, что ее тело... это тело, которым она была раньше, — не дышит! Но странно, Лариса не испугалась, поскольку решила, что просто превратилась в собственное дыхание, которое вздумало полетать. И полетела по квартире, наслаждаясь неведомой легкостью. Вот она оказалась за швейной машинкой перед окном, а потом над шкафом. Как здорово!

На шкафу, за вентилятором, она обнаружила свою вязаную рукавичку, которую прежде долго-долго искала. И сразу вспомнила хитрую Пантеркину мордочку. Вот куда Пантерка, вечно таскающая Ларисины вещицы, задевала эту рукавичку! И тут же снизу ее неожиданно ослепили два зеленых луча. Пантерка! Лариса так увлеклась своими полетами в пространстве, что не заметила, как, приоткрыв лапкой дверь, в ее комнату пробралась кошка, обычно спавшая в ногах у мамы. Сейчас Пантерка спокойно сидела на полу и смотрела на Ларису — вернее, в направлении Ларисы, потому что не могла разглядеть невидимую девочку, парящую под потолком. Не могла разглядеть, но знала наверняка: она находится именно там.

Лариса перелетела к другому углу потолка, и Пантерка, лениво проводив это передвижение зеленым, светящимся в темноте взглядом, продолжала глядеть на нее. На нее и сквозь нее. Неужели Пантерка так хорошо чувствует свою маленькую хозяйку?

И теперь Лариса поняла, почему жившая давным-давно могущественная тайская принцесса всегда, когда купалась по утрам в озере, доверяла свои украшения только любимой сиамской кошке. Принцесса нанизывала оже-

релья, кольца и браслеты на кошачий хвост, который потом завязывала в узел, чтобы драгоценности не потерялись. И поэтому с тех самых давних пор у всех сиамских кошек на конце хвоста есть или сам узел, или излом, оставшийся от этого узла... Да, поняв сейчас, что ее кошка такая чудесная, Лариса, как и тайская принцесса, тоже доверила бы Пантерке свои изумруды и брильянты, и филиппинские бусы из черного жемчуга, и коралловые ожерелье из Индонезии, такое же розовое, как прекрасные фламинго, и кольца из белого золота... если бы все это у Ларисы было. Но из драгоценностей у нее был только любимый мишка, а вот его-то Пантерке как раз доверить нельзя! Поэтому волшебная Пантерка сидела на полу одна, без мишки, светила в направлении Ларисы изумрудными глазами, распушив усы из белого золота, и изредка, когда зевала, вспыхивала коралловой пастью.

А потом Лариса захотела осмотреть сверху уже всю квартиру.

Через коридор с тянувшимися вдоль потолка старыми электрическими проводами она переместилась в кухню и тут почувствовал неладное. Здесь, где-то спрятавшись, грозно шипела змея. «Мама!..» Страх за беззащитную маму, безмятежно спящую в своей комнате, на несколько секунд буквально парализовал Ларису. А потом этот же страх заставил ее взять себя в руки. Потому что Лариса уже знала твердо: в трудных ситуациях девочке никогда нельзя распускаться — нужно взять себя в руки и начать думать. Однако вот незадача: ее собственное тело в те минуты спало на диване в детской комнате, поэтому взять себя в руки она теперь никак не могла. Осталось лишь одно — думать, и без промедления. И Лариса стала размышлять.

Во-первых, сейчас в Алматы такой ужасный мороз, что утром по дороге в школу ее чуть не застудил ледяной ветер (она даже начала чихать на географии, хотя и была зачарована скучным лицом учительницы), а змеи, известно, студеной зимой не водятся, тем более в городе.

С другой стороны, размышляла Лариса, отважная Пантерка никогда бы не позволила разгуливать по дому ужасной змее. Этой осенью киска задушила у них во дворе огромную крысу и потом притащила добычу к маме, чтобы мама знала, какая она, Пантерка, отважная, и потому вовсе не зря по вечерам варит ей вкусную рыбку. С тех пор мама всегда называла Пантерку «нашей защитницей»... И вот сейчас: переместившись за Ларисой в кухню, Пантерка сидела на полу совершенно спокойно, светила в направлении Ларисы изумрудными глазами, изредка зевала, демонстрируя коралловую пасть, и отнюдь не собиралась на змеиную охоту. Значит, сообразила девочка, этот страшный звук... это шипит вовсе не змея? Но тогда откуда на кухне этот страшный звук?

И затем Ларисе почудилось-привиделось вот что, а это и было самым настоящим. Три часа назад мама вернулась домой и прямо с порога поспешила на кухню, чтобы согреть дочке и любимице Пантерке молока на ночь. Лариса и Пантерка всегда пили молоко вместе: киска — из своей миски, стоявшей под телевизором, а Лариса — из большой тяжелой фаянсовой кружки, такого же цвета, что и молоко. Кружка была действительно очень тяжелой, и мама всегда от души веселилась, когда Лариса, обливая молоком губы, делала себе, как они шутили, белые калмыцкие усы. Поэтому даже перед сном в их доме раздавался залихватистый смех...

Значит, три часа назад, поставив разогревать молоко, мама заглянула в детскую, нашла дочку спящей и

решила ее не будить — пусть спит до утра. А в это самое время молоко закипело, поднялось белой ожившей пеной, чуть-чуть подождало перед тем, как сбежать из кастрюли, и залило огонь. Мама заглянула на кухню и, не увидев огня, прикрыла за собой дверь. И ушла спать в свою комнату. А плита осталась невыключенной.

Вот она и шипела. Еще чуть-чуть, поняла Лариса, и случится беда: дом взорвется.

Она переместилась с потолка кухни прямо к плите. Переместилась, но... как перекрыть газ? Ну да, надо всего лишь повернуть ручку. Но тело Ларисы и, главное, ее быстрые ладошки, которыми она немедленно перекрыла бы газ, оставались на диване в детской. А как управляться с предметами в пространстве только усилием воли, Лариса еще не знала, не умела.

Смертельное шипение не прекращалось.

Ага, сообразила Лариса, куда бы я ни переместилась, Пантерка всегда следует за мной, хотя совершенно меня не видит. Честно говоря, я и сама-то себя не вижу. И значит, если каким-нибудь образом разбудить маму, то она сразу почувствует запах газа и немедленно спасет нас всех. Но как ее разбудить?

Лариса перелетела в мамину комнату. Мама спала. И сюда же из кухни тихонько пронеслась Пантерка и снова смирно уселась под парящей Ларисой. Верно: куда Лариса, туда и киска. А дальше? Лариса, паря, двинулась к окну, и Пантерка сразу перебралась за нею. Лариса очутилась над пианино — киска послушно переместилась туда же. Лариса вверху, Пантерка внизу. Изумрудный взгляд с пола на невидимую маленькую хозяйку. Пантерка...

А времени, как поняла Лариса, оставалось совсем мало, потому что из кухни продолжало раздаваться страшное шипение.

Возле маминой кровати стояла тумбочка, а на ней — хрустальная ваза, наполненная живыми розами в свежей воде. В их доме всегда были живые цветы, без которых мама жить не могла. Это и правда было очень красиво: за окном — морозная вьюга, колкий ветер, а тут — нежные пурпурные розы, доверчиво изогнувшиеся чуть выше прозрачного горлышка... Но в те минуты Лариса сосредоточилась не на розах, а на холодной чистой воде, которая наполняла вазу. На воде и на Пантерке. Вернее, во-первых, именно на Пантерке. Теперь вся надежда была только на киску.

Лариса зависла низко над тумбочкой, где стояла ваза, и Пантерка направилась сюда же. Однако, чтобы оказаться прямо под Ларисой, киске мешала тумбочка. И тогда верная Пантерка не подвела. Как и замыслила Лариса, Пантерка молнией взлетела на тумбочку. Взлетела, но... не опрокинула вазу. А ведь Лариса замыслила именно это: киска вспрыгивает на тумбочку, невольно опрокидывает вазу, холодная вода выливается на спящую маму, та, вскрикнув, просыпается, чувствует запах газа и бросается на кухню... Нет, не вышло: Пантерка, вспрыгнув, лишь слегка задела вазу задними лапами. Но ваза все-таки будто ожила. Качнулась и продолжала качаться, как в замедленном кино. Но пока было непонятно, что с ней случится дальше: встанет на место или наконец-то опрокинется.

Это длилось еще пару секунд. Лариса неотрывно смотрела на вазу. И та, будто подчиняясь взгляду девочки, сначала вдруг замерла на миг, а потом резко наклонилась и вылила на мамину голову всю холодную воду да еще рассыпала на ее волосы пурпурные розы. Мама мгновенно проснулась, вскочила, стряхивая с себя кап-

ли и запутавшиеся в волосах цветы, и от неожиданности, конечно, пронзительно завизжала. Ах, мама! Несмотря на чрезвычайную ситуацию, Лариса не могла не залюбоваться ею, такой красивой, смешно размахивающей руками и спешно приводящей себя в порядок.

А дальше понятно: почувствовав резкий запах газа, мама тут же бросилась в кухню, перекрыла центральный кран и открыла настежь форточку.

В дом вернулся покой.

И следом за этим окружающее внезапно пропало для Ларисы. Стало совсем темно, легкость куда-то исчезала, девочку закрутило, как в водовороте, засасывая все глубже и глубже на дно. Она заметалась, но ощущение бесконечности и сладкой власти над пространством уже покидало ее. Лариса неумолимо возвращалась в собственное тело, замеревшее на диване в детской комнате.

Пришло субботнее утро, ясное и тихое. В школе по субботам занятий не было, и мама дочку не будила.

Лариса проснулась, когда темно-оранжевое солнце уже поднялось над Алматы. Она открыла глаза и, зевая, потянулась так, что в глазах на мгновение тоже чуть не потемнело. Потом вскочила, побежала в кухню и кинулась на шею маме, уже накрывающей завтрак.

И тут Лариса внезапно вспомнила свой сон. Но сразу решила, что если всякий раз рассказывать маме все глупости, которые приходят девочке в голову, а тем более во сне, то у мамы может испортиться настроение и тогда денег на игральные автоматы от нее точно не дождешься. Поэтому, вместо того чтобы рассказывать, Лариса оседлала табуретку за столом и безжалостно раздавила на тарелке нежное горячее солнышко яичницы кусочком подогретого белого хлеба. Вот так, завтракая, Лариса весело болтала ногами под табуреткой и снисходительно глядела по сторонам — то в образе знаменитой киноактрисы, то дикторши алматинского телевидения. Но тут, приглядевшись, напрочь забыла о завтраке: посреди раковины стояла пустая, уже без цветов, хрустальная ваза, а на плите безобразным пятном чернели остатки сбежавшего молока. И тогда Лариса пристально посмотрела на Пантерку, которая сидела рядышком. А Пантерка — так же пристально — на Ларису.

А пурпурные, изломанные розы торчали из-под раковины в мусорном ведре, которое сразу же, подчиняясь Ларисину взгляду, вдруг стало медленно двигаться по полу, пока не уперлось в стену круглым оцинкованным боком.